оказывали сопротивление переносу. В данном случае, может быть, прах Глеба давал знать, что почести надлежит воздавать «старейшему» брату, а сам он предпочитал покоиться особо, в скромной деревянной церкви, выстроенной Изяславом в его честь. Может быть, однако, автор хотел подчеркнуть другое: что воля народа, его молитва пересилили сопротивление святой гробницы и она была благополучно водворена под высокими сводами храма-мавзолея.

Рассмотренный заключительный рассказ является апофеозом «Сказания». Из него устранен известный нам по Повести временных лет факт крупной размолвки князей о том, где поставить раки, — в аркосолиях ли собора, как задумал покойный Святополк, или посередине церкви, как хотелось Мономаху (уже создавшему, по словам «Сказания», терем-киворий); в ссору вмешались митрополит и епископы, предложившие бросить жребий, который оказался не в пользу Мономаха, — такова была воля самих князей.[101] Этот факт был в «Сказании» по понятным причинам опущен панегиристом Мономаха. По той же причине симпатии автора — в перечне князей, присутствовавших на вышгородском торжестве, на первом месте назван Мономах, хотя главным виновником торжества был достроивший храм Олег; по летописи князья и «обедаша у Ольга и пиша, и бысть учрежение велико, и накормиша убогыя и странъныя по 3 дни».[102]

С. А. Бугославский относил рассмотренную часть «Сказания о чудесах» к труду «третьего автора», в котором видел светского человека, сторонника Мономаха, и датировал его работу до 1118 г., когда умер епископ Лазарь, упомянутый в рассказе о торжествах 1115 г. как живой.[103]

Финал «Сказания» органически завершает повествование о чудесах картиной всеобщей радости богатых и бедных, лучезарным миражем столь желанного феодалам гражданского мира, созданного верой в «кротких» святых князей и любовью к их памяти. Этот финал неотделим от «Сказания о чудесах» — оно в целом произведение одного автора. Отдельные детали «Сказания о чудесах» указывают, что его автор жил и писал в Переяславле-Русском. Он особо подчеркивает связь Мономаха с переяславльским столом. По смерти Всеволода Владимир «прия княжение... Переяславли», а в момент замысла Святополка построить новую церковь Бориса и Глеба в Вышгороде «Володимир же, иже и Мономах нареченый, сын Всеволожь, в та времена, яко же рекохом, предрьжааше убо Переяславьскую оболость».[104] Пояснять это по ходу изложения не требовалось. В другом месте он сообщает о сооружении храмов на месте гибели Бориса и Глеба. Об одном мы знаем точно — это построенная Владимиром Мономахом в 1117 г. маленькая церковь Бориса и Глеба на Альте, на полпути между Киевом и Переяславлем.[105] Возможно, что и в Смоленске на Смядыни тогда был уже основан монастырь Бориса и Глеба, упоминаемый впервые под 1138 г.[106] Основание Борисоглебского монастыря на Смядыни скорее всего следует связывать также с инициативой Мономаха — в 1101 г. он строит в Смоленске большой городской Успенский собор.[107] Вероятно, в это же время был основан и Смядынский монастырь.

---

[101] ПВЛ, т. I, стр. 199—200.
[102] ПВЛ, т. I, стр. 199.
[103] С. А. Бугославський. Пам'ятки..., стр. XIII—XIV.
[104] Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 60—63.
[105] М. К. Каргер. «Летская божница» Владимира Мономаха КСИИМК, вып. XLIX. М., 1953, стр. 13—20.
[106] В 1138 г. «на Смядыне в манастыри» был посажен захваченный новгородцами князь Святослав (Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950, стр. 25).
[107] Ипатьевская летопись под 1101 г.